

Есть судъ земной и для царей—
Провозгласилъ онъ твой конецъ;
Съ дрожащей головы твоей
Ты въ обѣствѣ уронилъ вѣнецъ.
И загорѣлся страшный бой,
И знамя вольности, какъ духъ,
Идетъ предъ гордою толпой—
И звукъ одинъ наполнилъ слухъ;
И брызнула въ Парижъ кровь.
О, чѣмъ заплатишь ты, тиранъ,
За эту праведную кровь,
За кровь людей, за кровь гражданъ?

Когда послѣдняя труба
Разрѣжетъ звукомъ синий сводъ;
Когда откроются гроба,
И прахъ свой прежній видъ возьметъ,
Когда появятся вѣсы,
И ихъ подыметъ Судія...
Не встанутъ у тебя власы?
Не задрожитъ рука твоя?..

Глупецъ! что будешь ты въ тотъ день,
Коль нынѣ стыдъ ужъ надъ тобой?
Предметъ насмѣшекъ ада, тѣнь,
Призракъ, обманутый судьбой!
Безсмертной раню убить,
Ты обернешь молящій взглядъ,
И строй кровавый закричитъ:
Онъ виноватъ! онъ виноватъ!

Нерѣдко люди и бранили,
И мучили меня за то,
Что часто имъ прощаль я то,
Чего бъ они мнѣ не простили.
И началъ рокъ меня томить:
Караль безвинно и за дѣло—
Отъ сердца чувство отлетѣло,
И я не могъ ему простить.
Я снова межъ людей явился
Съ холоднымъ, сумрачнымъ челою;
Но взглядъ, куда бъ ни обратился,
Встрѣчался съ радостнымъ лицомъ!

Романъ.

Въ тѣ дни, когда ужъ нѣтъ надеждъ,
А есть одно воспоминанье,
Веселье чуждо нашихъ вѣждъ,
И легче на груди страданье.

Баллада.

изъ Байрона.

Берегись! берегись! Надъ Бургосскимъ путемъ
Сидитъ одинъ черный монахъ:
Онъ бормочетъ молитву во мракѣ nocturno,
Панихиду о прошлыхъ годахъ.
Когда мавръ пришелъ въ нашъ родимый домъ,
Оскверняячи церкви порогъ, [яцовъ;
Онъ безъ дальнихъ словъ выгналъ вѣхъ чер-
Одного только выгнать не могъ.

Для добра или зла? [Я слыхалъ не одинъ,
И не мнѣ бы о томъ говорить],
Когда возвратился тѣхъ мѣстѣ господинъ,
Онъ никакъ не хотѣлъ уходить.
Хоть никто не видалъ, какъ по замку блу-
Монахъ, но зачѣмъ возражать? [ждалъ
Ибо слышалъ не разъ я старинный разсказъ,
Который страшусь повторять.
Рождался ли сынъ, онъ рыдалъ въ тишинѣ;
Когда жъ прекратился сей родъ,
Онъ по звучнымъ поламъ при блѣдной лунѣ
Бродилъ и взадъ и впередъ.

Продолженіе впрѣдъ.

Итакъ, прощай! впервые этотъ звукъ
Тревожитъ такъ жестоко грудь мою.
Прощай! — шесть буквъ приносятъ столько
Уносить все, что я теперь люблю! [мукъ,
Я встрѣчу взоръ ея прекрасныхъ глазъ
И можетъ быть... какъ знать... въ послѣдній
разъ.

Смерть.

Закатъ горитъ огнистой полосой;
Любуюсь имъ безмолвно подъ окномъ. [мною,
Быть можетъ, завтра онъ заблещетъ надо
Безжизненнымъ, холоднымъ мертвецомъ.
Одна лишь дума въ сердцѣ опустѣломъ,
То мысль объ ней... О! далеко она,
И надъ моимъ недвижимымъ, блѣднымъ тѣ-
Не упадетъ слеза одна! [ломъ
Ни другъ, ни братъ прощальными устами
Не поцѣлуютъ здѣсь моихъ ланитъ,
И сожалѣнью чуждыми руками
Въ сырую землю буду я зарытъ.
Мой духъ утонетъ въ безднѣ безконечной..
Но ты... О! пожалѣй о мнѣ, краса моя!
Никто не могъ тебя любить, какъ я,
Такъ пламенно и такъ чистосердечно.

Вверху одна	Что я любилъ
Горитъ звѣзда;	Судьбѣ въ укоръ
Мой взоръ она	Мукъ никогда
Манитъ всегда;	Онъ зрѣть не могъ:
Мои мечты	Какъ та звѣзда,
Она влечетъ,	Онъ былъ далека.
И съ высоты	Усталыхъ вѣждъ
Мнѣ радость лить.	Я не смыкалъ,
Таковъ же былъ	И безъ надеждъ
Тотъ нѣжный взоръ,	Къ нему взиралъ!

Рассказаніе.

Къ чему мятежное роптанье,
Укоръ владѣющей судьбѣ?..
Она была добра къ тебѣ—
Ты создалъ самъ свое страданье.
Безсмысленный! ты обладалъ
Душою чистой, откровенной,